

Мольер Жан Батист

**Собрание сочинений
Мольера**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ж27

Ж27 **Жан Батист М.**
Собрание сочинений Мольера: Том 2 / Мольер Жан Батист – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 484 с.

ISBN 978-5-519-97268-0

ISBN 978-5-519-97268-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(ТЕАТРЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ ЗАМОКЪ).

ЯВЛЕНІЕ I.—СТАНАРЕЛЬ, ГУСМАНЪ.

Станарель (*держа въ рукѣ табакерку*).

Что ни говори Аристотель и другіе философы, но нѣтъ ничего лучше табаку: это страсть всѣхъ порядочныхъ людей, и кто не употребляетъ его, тотъ не достоинъ жить. Табакъ не только развеселяетъ и очищаетъ людскіе мозги, но и поощряетъ къ добродѣтели и пріучаетъ къ порядочности. Посуди самъ, — лишь только его понюхаешь, какъ вдругъ дѣлаешься привѣтливымъ со всякимъ и ощущаешь удовольствіе, предлагая его направо и налево. Даже не ждешь, чтобы попросили, — самъ предупреждаешь; до такой степени табакъ внушаетъ чувства вѣжливости, и добродѣтели всѣмъ, кто его нюхаетъ. Впрочемъ, довольно объ этомъ; перейдемъ къ дѣлу. И такъ, любезный Гусманъ, твоя госпожа, донна Эльвира, пораженная нашимъ внезапнымъ отъѣздомъ, пустилась за нами въ погоню и, по твоимъ словамъ, до такой степени влюблена въ моего барина, что не можетъ жить безъ него. Сказать ли мнѣ всю правду? Я боюсь, что ея любовь останется безъ отвѣта, что ея поѣздка сюда не приведетъ ни къ чему хорошему и что вы сдѣлали бы гораздо лучше, если бы остались у себя дома.

Гусманъ.

Съ какой стати у тебя, Станарель, такія дурныя мысли! Развѣ твой баринъ говорилъ тебѣ объ этомъ? Развѣ онъ сказалъ, что охладѣлъ къ намъ и что именно это заставило его уѣхать?

Санаарель.

Положимъ, нѣтъ; но я по опыту знаю толкъ въ такихъ дѣлахъ, и готовъ биться объ закладъ,—хотя мнѣ баринъ ничего еще не говорилъ,—что въ этомъ-то и есть вся суть. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но моя опытность все-таки кое-чему научила меня.

Гусманъ.

Неужели причиною этого неожиданнаго отъѣзда была измѣна донъ-Жуана? И онъ могъ до такой степени оскорбить чистую любовь донны Эльвиры!

Санаарель.

Нѣтъ, онъ просто еще молодъ, и у него не хватаетъ рѣшимости...

Гусманъ.

Человѣкъ съ его званіемъ способенъ рѣшиться на такое гнусное дѣло!

Санаарель.

Да, да!... съ его званіемъ! Нечего сказать, недурень резонъ! Какъ будто это можетъ помѣшать...

Гусманъ.

Однако священные узы брака обязываютъ его...

Санаарель.

Эхъ, милый Гусманъ, повѣрь мнѣ, ты еще не знаешь, что за человѣкъ донъ-Жуанъ.

Гусманъ.

Да ужъ я, право, не знаю, что онъ можетъ быть за человѣкъ, если онъ дѣйствительно сдѣлалъ съ нами такую подлость; я не понимаю, какъ послѣ такой любви, такого нетерпѣнія и такой настойчивости, послѣ столькихъ обѣтовъ, вздоховъ и слезъ, послѣ всѣхъ страстныхъ писемъ, пылкихъ увѣреній и постоянныхъ клятвъ, наконецъ, послѣ такой восторженной страсти, которая довела до того, что онъ похитилъ донну Эльвиру изъ монастыря, — я не понимаю, какъ могло хватить у него на столько наглости, чтобы измѣнить своему слову!

Станарель.

А мнѣ такъ вовсе не трудно понять! Знай ты этого молодца, какъ я,—дѣло вышло бы очень просто! Я не говорю, чтобы онъ измѣнилъ свои чувства къ доннѣ Эльвирѣ,—въ этомъ я еще не вполне увѣренъ.—Ты знаешь, что онъ велѣлъ мнѣ ѣхать сюда раньше его; а съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ, онъ со мною еще не говорилъ. Но, изъ предосторожности, я долженъ тебѣ сказать, *inter nos*, что въ моемъ господинѣ, донъ-Жуанѣ, ты можешь видѣть величайшаго негодяя, какой когда либо существовалъ на свѣтѣ, безумца, собаку, дьявола, турка, еретика, который не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта, который всю свою жизнь проводить какъ настоящій скотъ, какъ свинья Эпикура, какъ суцій Сарданапалъ, который затыкаетъ себѣ уши, чуть станешь его укорять, который считаетъ чушью все, во что мы вѣримъ. Ты говоришь, что онъ женился на твоей госпожѣ; повѣрь, что, увлеченный страстью, онъ женился бы и на тебѣ, и на ея собакѣ, и на ея кошкѣ. Ему ровно ничего не значить жениться, чтобы поймать женщину въ свои сѣти; обѣщаніе жениться для него первѣйшее средство, онъ готовъ жениться на комъ угодно, зажмуря глаза. Будь это замужня женщина, барышня, купчиха, крестьянка, — ему и горя мало, и еслибъ я сталъ перечислить тебѣ имена всѣхъ женщинъ, на которыхъ онъ женился въ разныхъ мѣстахъ, то не окончилъ бы до вечера. Ты удивленъ и блѣднѣешь отъ моихъ словъ; но это еще слабый портретъ моего молодца, а чтобы судить о немъ, надо знать его на чистоту. О, еслибы когда нибудь гнѣвъ Божій разгромилъ его! Для меня было бы лучше закабалить себя чорту, чѣмъ попасть въ лапы къ своему господину! Я столько насмотрѣлся ужасовъ, что съ удовольствіемъ желалъ бы ему провалиться сквозь землю. — Но такой знатный и распутный баринъ—жестокая штука! Я долженъ потакать ему поневолѣ, страхъ замѣняетъ мнѣ услужливость, страхъ сковываетъ мои чувства и часто заставляетъ меня хвалить то, что претитъ моей душѣ.—Однако, разойдемся. Я вижу, что онъ

расхаживаетъ здѣсь по замку... Но, слушай: я говорилъ съ тобою откровенно,—можетъ быть, я немножко погорячился... если же это дойдетъ до его ушей, то я прямо скажу, что ты навралъ.

ЯВЛЕНІЕ II.—ДОНЪ-ЖУАНЪ, СТАНАРЕЛЬ.

Донъ-Жуанъ.

Съ кѣмъ это ты говорилъ? Кажется съ простакомъ Гусманомъ, конюшимъ донны Эльвиры?

Станарель.

Да, что-то въ родѣ его.

Донъ-Жуанъ.

Такъ это онъ?

Станарель.

Онъ самый.

Донъ-Жуанъ.

Когда-же онъ пріѣхалъ сюда?

Станарель.

Вчера вечеромъ.

Донъ-Жуанъ.

Съ какой стати?

Станарель.

Вы сами лучше знаете.

Донъ-Жуанъ.

По случаю нашего отъѣзда?

Станарель.

Да, онъ очень встревоженъ... Онъ спрашивалъ, почему собственно мы уѣхали.

Донъ-Жуанъ.

Ты что-же отвѣчалъ?

Станарель.

Отвѣчалъ, что ничего не знаю.

Донъ-Жуанъ.

Однако, какъ ты объ этомъ думаешь? Какъ твое мнѣніе?

Сганапель.

Мое мнѣніе? Я думаю, съ позволенія сказать, что у васъ опять какая нибудь новая интрижка.

Донъ-Жуанъ.

Ты думаешь?

Сганапель.

Да.

Донъ-Жуанъ.

И не ошибаешься! Надо признаться, что образъ другой женщины занялъ мѣсто Эльвиры въ моемъ сердцѣ.

Сганапель.

Боже ты мой! Вѣдь я знаю моего господина, донъ-Жуана, какъ свои пять пальцевъ! Я знаю, что ваше сердце, какъ флюгеръ, мечется во всѣ стороны и нигдѣ не можетъ остановиться на мѣстѣ.

Донъ-Жуанъ.

И ты не находишь, что я правъ?

Сганапель.

Какъ вамъ сказать...

Донъ-Жуанъ.

Говори.

Сганапель.

Разумѣется, если угодно, вы правы; тутъ и спора нѣтъ; но еслибы вамъ не было угодно такъ поступать, то, можетъ быть, дѣло вышло бы иначе.

Донъ-Жуанъ.

Ну, хорошо, я позволяю тебѣ откровенно высказать все, что у тебя на душѣ

Сганапель.

Въ такомъ случаѣ, скажу вамъ, сударь, откровенно, что я не одобряю вашихъ поступковъ и считаю позорнымъ заводить любовь направо и налѣво.

Донъ-Жуанъ.

А! по твоему, разъ связавшись съ первою встрѣчною, которая понравилась, нужно отречься отъ свѣта и ни на кого не смотрѣть? Удивительная заслуга — корчить изъ себя вѣчно влюбленнаго и, въ пылу молодости, оставаться

равнодушнымъ при видѣ другихъ женщинъ, плѣняющихъ красотою! Нѣтъ, нѣтъ! Постоянство пристало лишь къ тѣмъ, кто хочетъ быть смѣшнымъ; женщины имѣютъ полное право прельщать насъ своею красотою, а если одна изъ нихъ произвела впечатлѣніе, то изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ другія отказались внушать намъ любовь. Красота приводитъ меня въ восторгъ повсюду, гдѣ я ее вижу, и я легко поддаюсь сладостному насилию, при помощи котораго она меня увлекаетъ. Напрасно восхищаюсь я одною; моя любовь не исключаетъ въ сердцѣ привязанности къ другимъ. У меня на то есть глаза, чтобы цѣнить ихъ прелести, и каждой изъ нихъ я приношу должную дань. Какъ бы то ни было, но я не могу запретить моему сердцу любить то, что нахожу прелестнымъ. Какъ скоро я заинтересованъ красивымъ личикомъ, я готовъ отдать ему не только мое сердце, но и десять тысячъ сердецъ, еслибы они у меня были! Внезапная склонность имѣетъ какую-то необъяснимую прелесть, и все наслажденіе любви именно и состоитъ въ перемѣнѣ. Чувствуешь непостижимое удовольствіе, когда, всевозможными увѣреніями, покорилъ сердце молодой красавицы, когда видишь, что съ каждымъ днемъ, мало по малу, все ближе и ближе достигаешь своей цѣли, когда восторгами, слезами и вздохами покоряешь невинную стыдливость, которая не хочетъ сдаться, когда, шагъ за шагомъ, преодолеваешь маленькія преграды, когда побѣждаешь мелкую щепетильность, которую многіе считаютъ за добродѣтель, и когда, наконецъ, приведешь красотку къ заранѣе предназначенной цѣли! Но разъ остался побѣдителемъ, больше желать нечего; вся прелесть страсти исчезла, и мы засыпаемъ въ спокойствіи такой любви, если новый предметъ не возбудитъ нашихъ желаній и не представитъ нашему сердцу обольстительной прелести новой побѣды. Словомъ, нѣтъ ничего восхитительнѣе, какъ восторжествовать надъ сопротивленіемъ красавицы. Тогда я чувствую въ себѣ честолюбіе завоевателей, которые одерживаютъ одну побѣду за другой и все-таки остаются

недовольными. Ничто не можетъ противиться порывамъ моихъ страстей. У меня сердце, готовое любить весь міръ, и, какъ Александръ, я хотѣлъ-бы, чтобы существовали другіе міры, гдѣ можно было бы одерживать любовныя побѣды!

Сганапель.

Чортъ возьми! вы ловко говорите!.. Какъ по книгѣ, точно наизусть выучили!

Донъ-Жуанъ.

А ты что на это скажешь?

Сганапель.

Право, не знаю что и сказать!.. Вы такъ ловко повернете, что, какъ будто, дѣйствительно, правда на вашей сторонѣ; а между тѣмъ вы совсѣмъ неправы. Въ головѣ у меня отличные доводы, а чуть вы начнете говорить,— все и спуталось. Ужъ лучше оставимъ это. Въ слѣдующій разъ я занесу мои разсужденія въ записную книжку и тогда стану спорить.

Донъ-Жуанъ.

И прекрасно сдѣлаешь.

Сганапель.

Но, сударь, будетъ-ли это подходить къ данному вами позволенію, если я вамъ скажу, что меня немножко скандализируетъ, какъ вы себя ведете?

Донъ-Жуанъ.

Что такое? какъ я себя веду?

Сганапель.

Положимъ, отлично. Но, если, напримѣръ, видишь, что вы чуть-ли не каждый мѣсяцъ женитесь то на одной, то на другой...

Донъ-Жуанъ.

Можетъ-ли быть что нибудь пріятнѣе!

Сганапель.

Положимъ, это очень пріятно и доставляетъ много развлеченій; я и самъ съ удовольствіемъ занялся бы этимъ, еслибы тутъ не было ничего дурного... Но, сударь, потѣшаться такъ надъ тайнствомъ брака, и...

Донъ-Жуанъ.

Оставь, оставь! Это дѣло между мною и небомъ, и мы разберемъ его безъ тебя.

Сганарель.

Право, сударь, я всегда слышалъ, что съ небомъ шутить нельзя и вольнодумцы никогда не кончаютъ добромъ.

Донъ-Жуанъ.

Ты просто дуракъ! Знаешь, я не терплю правоученій!

Сганарель.

Боже упаси! Я совсѣмъ не про васъ говорю. Вы сами знаете, что дѣлаете, и если вы не вѣруете, то на это у васъ есть свои причины; но знаете, на свѣтѣ встрѣчаются ничтожные фатишки, которые сдѣлались безбожниками, сами не зная отчего, и выдаютъ себя за вольнодумцевъ, въ чаяніи, что это имъ къ лицу; и еслибъ у меня былъ такой баринъ, то я, глядя ему въ глаза, сказалъ-бы напрямки: Какъ смѣете вы насмѣхаться надъ небомъ и не страшитесь шутить съ самыми священными вещами! Ахъ, вы, ничтожный червякъ, мелкая сошка (сказалъ бы я этому моему барину, еслибъ у меня былъ такой), какъ смѣете вы насмѣхаться надъ тѣмъ, что всѣ уважаютъ! Не думаете-ли вы, сказалъ бы я, что вы удивительно ловки, что все вамъ позволено, что никто не можетъ сказать вамъ правду, потому что вы благороднаго происхожденія, напялили на себя бѣлокурый завитой парикъ, шляпу съ перьями, золоченный камзолъ и пунсовые ленты? (Я не вамъ это говорю, а другому). Такъ вотъ я, вашъ слуга, скажу вамъ, что небо рано или поздно наказываетъ безбожниковъ, что дурная жизнь ведетъ къ дурной смерти, и что...

Донъ-Жуанъ.

Молчи!

Сганарель.

Что случилось?

Донъ-Жуанъ.

Дѣло въ томъ, что я влюбился въ одну красотку и пріѣхалъ сюда нарочно за нею.

Сганапель.

А васъ, сударь, не смущаетъ мысль о командорѣ, котораго вы убили мѣсяцевъ шесть тому назадъ?

Донъ-Жуанъ.

Съ какой стати мнѣ смущаться? Я убилъ его какъ слѣдуетъ.

Сганапель.

Совершенно вѣрно, и съ его стороны было-бы смѣшно жаловаться.

Донъ-Жуанъ.

Къ тому-же, я былъ помилованъ.

Сганапель.

Да. Но, можетъ быть, это помилованіе не искоренило ненависти къ вамъ его родныхъ и друзей, и...

Донъ-Жуанъ.

Перестань! Не стоитъ думать о непріятностяхъ, какія могутъ насъ ожидать; лучше поговоримъ о возможныхъ наслажденіяхъ. Моя красоточка — молоденькая невѣста, прелестная собою. Ее привезъ сюда ея женихъ; случай доставилъ мнѣ возможность встрѣтиться съ ними дня за три или за четыре до ихъ отъѣзда. Никогда не видѣлъ я людей, которые были бы такъ довольны другъ другомъ, которые такъ страстно выражали бы свою любовь! Нѣга сіяла въ ихъ глазахъ, она привела меня въ волненіе, мое сердце было поражено и любовь моя началась съ ревности. Да, я не могъ видѣть ихъ вмѣстѣ, зависть зажала во мнѣ желанія, и я живо представилъ себѣ, какое было бы великое счастье возмутить ихъ нѣжныя отношенія и нарушить связь, которая какъ бы оскорбляла всю деликатность моихъ чувствъ. До сихъ поръ усилія мои были напрасны; я прибѣгнулъ къ послѣднему средству. Этотъ будущій мужъ вздумалъ угостить свою невѣсту прогулкою по морю. Я ничего тебѣ не говорилъ, но уже все готово для исполненія моей цѣли; я нанялъ небольшую лодку и нѣсколько молодцовъ, при помощи которыхъ мнѣ легко удастся похитить красотку.

Сганапель.

Ну, сударь...

Донъ-Жуанъ.

Что?

Сганарель.

Это отлично, и вы мастеръ своего дѣла. Ничего нѣтъ лучше, какъ быть довольнымъ самимъ собою!

Донъ-Жуанъ.

И такъ, готовься отправиться вмѣстѣ со мною; захвати оружіе, чтобы... (*Увидѣвъ донну Эльвиру*). Ахъ, досадная встрѣча!.. Мошенникъ, ты мнѣ не сказалъ, что она здѣсь!

Сганарель.

Вы, сударь, не спрашивали.

Донъ-Жуанъ.

Да что она—съ ума сошла? даже не перемѣнила костюма и явилась сюда въ дорожномъ платьѣ!

ЯВЛЕНІЕ III.—ДОННА ЭЛЬВИРА, ДОНЪ-ЖУАНЪ, СГНАРЕЛЬ.

Донна Эльвира.

Узнаете-ли вы меня, Донъ-Жуанъ? Прошу васъ, говорите со мной откровенно. Могу-ли я, по крайней мѣрѣ, надѣяться, что вы взглянете прямо на меня?

Донъ-Жуанъ.

Признаюсь, сударыня, я изумленъ и никакъ не ожидалъ васъ здѣсь видѣть.

Донна Эльвира.

Да, я вижу, что вы меня не ожидали, и очень удивлены, но совсѣмъ не такъ, какъ я надѣялась; вашъ пріемъ вполнѣ подтверждаетъ то, чему я отказывалась вѣрить. Я удивляюсь моей простотѣ и слабости моего сердца, которое до сихъ поръ не могло убѣдиться въ вашей измѣнѣ! Признаюсь, я была на столько добра, или, скорѣе, на столько глупа, что хотѣла обмануть самое себя и отвлечь свои глаза и сердце отъ того, что происходитъ. Я искала повода извинить вашу измѣну; я нарочно выдумывала тысячу причинъ такого поспѣшнаго отъѣзда, съ цѣлью оправдать вашъ непостижимый поступокъ. Напрасно справедливыя подозрѣнія гнѣздились во мнѣ, я